

Мартин Бубер. Два образа веры

10

Однако мотив удаления с земли приводит нас к чему-то еще более важному, что полезно будет рассмотреть в интересах нашего дела, т. е. сравнения двух образов веры. При этом нам придется прикоснуться к загадке того, что было названо "самосознанием" Иисуса, загадке, которой, скорее всего, суждено остаться нерешенной. То, что откроется нам здесь при взгляде на личные взаимоотношения Иисуса с миром еврейской веры, неизбежно гипотетично, однако может прояснить нашу проблему.

Критическое исследование склонно все то, что евангельский Иисус говорит перед восхождением в Иерусалим об ожидающих его страданиях и смерти, отнести к категории *vaticinia ex eventu*, предсказаний задним числом. Это, надо думать, касается сакральной формулы, трижды повторяющейся у каждого из синоптиков (Мк. 8:31; 9:31; 10:33 пар.), в начале которой все настойчивее подчеркивается неизбежность предстоящего: в первом предсказании - "много пострадать", во втором - "быть преданным в руки человеческие". Последнее из трех предсказаний предваряется словами: "Вот, мы восходим в Иерусалим".

Иначе, как мне кажется, обстоит дело с вариантом первого из этих речений Иисуса(61), сохраненным в Лк. 17:25. Тот факт, что Лука не заменил попросту эти слова догматической формулой, как то сделали Марк и Матфей, а включил их в свое евангелие наряду с ней, не свидетельствует против их подлинности. Вслед за предсказанием о молниевидном появлении ранее сокрытого "сына человеческого" (Лк. 17:24), известным и Мф., у которого этот текст звучит "более по-гречески", а у Лк. "более по-семитски", мы читаем: "Но прежде суждено ему много страдать и быть отвергнутым этим поколением". Обе эти части: "много страдать" и "быть отвергнутым" - знакомы нам также и из упомянутой выше формулы предсказания страданий и смерти, но насколько же безыскуснее и исторически достовернее звучат они здесь, у Луки, без всех этих "старейшин, первосвященников и книжников"! И насколько же естественнее и осмысленнее звучала бы здесь, рядом со словами о молнии (Лк. 17:24), аллюзия на Пс 118:22 об "отвергнутом" камне, который стал краеугольным! (Этот текст из псалма неоднократно приводится в евангелиях.) Связь между теперешним состоянием потаенности и будущим состоянием открытости, явленности "сына человеческого" в "день его"(62) здесь (в противоположность точной формуле о воскресении) остается неопределенной, и скорее всего именно потому, что в такой же неопределенности пребывала и душа говорящего. Иисус сознает себя пророком грядущего Царства и одновременно его предопределенным человеческим центром (Мф. 11:5; Лк. 7:22; ср. Ис. 42:7 и 61:2). Как пророка Иисуса приняла толпа, жадно ему внимавшая, человеческим же центром Царства его признала только преданность учеников, и теперь Иисус вполне постиг, что данной ему власти недостает для деяний посредника Царства. Он осознает себя находящимся в состоянии потаенности. Предстоит ли Иисусу в ходе жизни такое изменение, когда он внезапно засияет, когда он вспыхнет, подобно молнии? Подтвердит ли голос, некогда призвавший Иисуса, его полномочия перед

человеческой толпой, которую ему предстоит сплотить в ядро Царства? (Несмотря на легендарный характер существующего рассказа, не следует сомневаться в том, что очищение в Иордане сопровождалось у Иисуса неким личностным опытом такой веры.) Или же этот переход от потаенности к явленности должен быть иного рода? Слова Иисуса о свадебных гостях, от которых "берется" ("отнимается") жених(63), хронологически, вероятно, находящиеся не на своем месте, представляются мне элементом подлинной, пусть даже и невозстановимой более, традиции(64). Будет ли Иисус "взят", как Енох или Илия, которых Бог взял с земли для особого служения и одарил для этого властью: одного - для небесного служения как "Князя Присутствия", как ангела непосредственной близости, другого же - для земного служения как "ангела союза", помощника в нужде и вестника Царства, который был ныне явлен и исполнил свое служение как Иоанн Креститель? Или же это должно произойти иначе?

Но было ведь написано (Ис. 53:8) и еще об одном слуге Бога - о "рабе УНВН", - что он "взят" и "отторгнут от земли живых", и тут же говорится (53:9) о его "гробнице", говорится весьма причудливым образом о его "смерти", однако затем возвещается о том, что он, сделавшись "за преступников ходатаем" и "предав свою душу на смерть", еще долго будет жить и через него будет исполняться воля Бога. Это тоже удаление с земли, и тоже - удаление для особого, особо высокого служения. Ему предстоит стать светом для язычников (42:6; 49:6) "союзом народа", воплощенным союзом народа, составленным из язычников (42:6; 59:8), и "восстановить земное царство" (49:8), освобождая находящихся в узах и тьме и утверждая на земле справедливость (42:7; 61:2); благодаря его посредничеству спасение Бога будет простираться до краев земли (49:6). Достичь удовлетворительного понимания того, о ком так возвещено, можно лишь в том случае, если рассматривать его как новый вариант образа Мессии(65). Чтобы сделать его вполне ясным, безымянный пророк, перенимая созданное Исаией (50:4) понятие "ученика" (8:16), сознавая самого себя учеником Исаии, рожденным после смерти учителя, возобновил(66) главные мотивы этих мессианских предсказаний, изменяя их смысл, устранив из образа Мессии все относящееся к Давиду. Мессия теперь - человек не царского, но пророческого достоинства, тот, кому не нужно больше возвышать голос на улицах (42:2), и "неизменные милости, обещанные Давиду" переходят теперь на "собранную" милостью Бога для "вечного союза" общину Израиля (55:3 и сл.; 54:7), которую представляет Мессия. К этому, однако, прибавляется еще и то обстоятельство, что из одной земной жизни Мессии, о которой говорит Исаия, получается несколько, что он - согласно масоретскому тексту, в котором у нас нет оснований сомневаться, - должен умереть несколькими "смертями", что душа его после телесной смерти удаляется Богом с земли (здесь уже царит спиритуализированное понимание этого "взятия" души, о котором мы знаем из псалмов) и снова возвращается, - до той поры, пока он не возвысится из потаенности к состоянию явленности, открытости, и не сможет исполнить свое деяние спасения: теперь только мир народов понимает, что до этого момента он ради них, ради "многих" (Ис. 53:11 и сл.; ср. 52:14 и сл.) претерпел и что они не увидели; В состоянии потаенности, где он в бездействии покоится, как стрела в колчане Бога, Мессия не понимал самого себя в своем страдании и скорбях, все казалось ему напрасным и тщетным, пока ему не стало известным,

какое служение судил ему Бог; однако и сейчас он еще не знает, когда, на каком этапе его пути наступит исполнение мессианского призвания. Безымянный пророк, говорящий от первого лица в песнях о "Рабе", сознает себя частью этого пути, не зная при этом - какой именно частью.

Если мессианская мистерия Второиисаии, как часто предполагали(67), оказала на Иисуса глубокое влияние, то по существу сюда же относятся и великий мотив удаления с земли, и мотив пути из потаенного служения страданием к открытому служению исполнения. Мы можем только догадываться, в какой момент семя этого понимания пало в душу Иисуса: это могло быть во время исповедания Петра, быть может, незадолго до этого; но, скорее всего, это должен был быть опыт мучительного вынашивания плода, воздействие чего мы можем ощутить во многих подлинных речениях Иисуса. Мы должны назвать этот опыт мучительным, ибо, несомненно, уже Галилея научила Иисуса неизбежности страдания от рук человеческих, в особенности если можно увидеть элемент подлинной традиции в примечательном сообщении Евангелия Иоанна (6:66) об учениках Иисуса, покинувших его.

Если мы правы, усматривая здесь связь, то получается, что Иисус (под влиянием Второиисаии) понимал себя как носителя мессианской потаенности. Непосредственно отсюда следует и смысл "мессианской тайны"*. Стрела в колчане не вольна распоряжаться собой; не от нее зависит назначить час, когда она должна быть извлечена. Здесь - тайна. Иисус вложил ее в сердца одних только учеников, а их исповедание лишь утвердило его решимость сохранять тайну (Мк. 8:30) - как Исаия (8:16) "запечатал"(68) некогда весть о спасении в сердцах своих учеников. Кажется, что лишь перед лицом смерти позиция Иисуса могла перемениться. Однако повествование о его последних днях столь сильно определено догматическими интересами, что никто уже не сумеет восстановить его подлинные логики, относящиеся к тому периоду. Но одно замечание все-таки представляется допустимым.

В повествовании о суде над Иисусом, которое следует рассматривать как неисторичное(69), приводится одно достопримечательное речение Иисуса (Мк. 14:62), которое в его нынешнем виде точно так же не могло принадлежать Иисусу, как и вопрос, на который здесь отвечает Иисус, не мог принадлежать первосвященнику. Однако судить по нему о содержании подлинного речения Иисуса, вероятно, можно. Не нужно держаться ни за связь слов "Я есмь" со следующими далее, ни за связь "сидения одесную" с "пришествием" Сына Человеческого, ни за эту скорее гностически звучащую "силу", однако указание Иисуса на "Сына Человеческого" или на человека, которого "увидят" идущим с облаками небесными, данное в ответ на вопрос о нем самом, Иисусе, может быть подлинным. Теперь спрашивают его самого: "Кто ты?" - как некогда он спрашивал своих учеников о себе: "Кто я?"; но он отвечает, заглядывая вперед, сообразно смыслу вопроса: "Вы еще увидите того, кем я должен стать". Он же - видит его сейчас: это я Иисус не говорит этого, но есть слушатели, которым мнится, что они слышат эти слова, ибо они видят его - видящего. Легко допустить, что он думает о себе именно в образах видения из книги Даниила: ему суждено быть удаленным с земли, а затем посланным на служение великого свершения. Сперва удаленный из земной сферы, взятый Богом из жизненного состояния потаенности, затем, однако, вступающий в мессианскую открытость, а не в новую потаенность, он должен прийти свыше, ибо одарен теперь иной, приводящей в осуществление план Божественного

спасения, властью, которой прежде он наделен не был. Испытавший ее нехватку, он не может больше думать, что она ютится в земных пределах. Но если можно было бы принять такую перемену взгляда на события последних дней Иисуса, то мы получили бы биографический факт, вокруг которого после смерти Иисуса и после видений учеников соединились все мифические элементы, присутствовавшие в сознании людей, затронутых эллинистическим влиянием, покуда не предстал новый бинитарный образ Бога. Не просто новые символы, но даже новые образы Бога вырастают из человеческой жизни, и как раз из тех ее моментов, которые невозможно предсказать.

Израильский образ Мессии уже дважды изменялся в дохристианские времена - и оба раза в связи с великими кризисами, охватывавшими народ, и временами страданий, - однако в древний образ не вносилось никаких новых формальных перемен; разные образы продолжали сосуществовать друг подле друга, причем древний образ, возникший до плена, оставался господствующим, но с чертами другого, возникшего в период после плена, все-таки вошедшими в него. Этот первый, древний образ Мессии можно назвать образом царя, исполняющего свое предназначение(70). Он возник не из мифа, а из созерцания исторической реальности в пророческой перспективе. Мессия, Христос, Помазанник YHWH - этими именами в Израиле называли царя как восприемника священного помазания елеем во имя Бога. В понимании пророков, благодаря помазанию, в согласии со смыслом, который вкладывался в него, царю дается особое поручение, он получает повеление небес, что позволяет пророкам на законном основании всякий раз ставить царя перед сегодняшним требованием Бога; они ставят царя перед лицом особого требования, обращенного к нему, установить в Израиле справедливость.

Исторически-конкретной несостоятельности царей в отношении задачи, порученной им, пророки отвечают предсказанием об Исполняющем помазание. С падением царства в Иудее древняя мессианская надежда пошатнулась. Это ее не уничтожило - ведь благодаря уже первому движению за возвращение на родину она испытала новый взлет. Тем временем на горизонте появился новый, неслыханно новый образ Мессии, провозвестник которого обращался с бывлым мессианским образом как с исторически изжитым. Мессианское предназначение в эпоху страданий в изгнании было разделено относительно его реализации на две части: начальное деяние, выведение Израиля из плена в свою землю, поручается теперь чужому властелину, Киру, как помазаннику YHWH (Ис. 45:1). Но подлинная задача помазанника и тем самым исполнение "нового" предсказания (в отличие от "первого") - об учреждении праведного сообщества Израиля как центра освобожденных народов мира, - выпадает на долю нового человека из Израиля - "Раба YHWH". Миссия его включает в себя два рода деятельности, две фазы, распределенные среди разных людей, которые суть только формы явления одной и той же мессианской фигуры, что становится нам все понятнее по мере следования от одной из четырех песен Раба к другой (42:1-9; 49:1-9а; 50:4-9; 52:13-53:12); вот так же, вероятно, и пророку, благодаря его постижениям и разочарованиям, удавалось приходить ко все большей ясности. Первая, приготовительная функция Мессии - страдание: "Раб" времен страдания в теперешней своей жизни, которую он проводит в состоянии пророческой потаенности, принимает на себя бремя грехов "многих" среди народов всего мира. Он, свободный от вины, снимает вину со многих и тем самым делает

возможным скорый прорыв избавления в мир (если масоретское чтение "в его смертях" считать подлинным, то уже более ранние страдающие пророки могут рассматриваться как формы явления "Раба ҮНҮН"). Вторая функция, функция мессианского свершения, сохраняется за другим, открытым явлением "Раба" - лишь тогда народы мира с Израилем узнают, как и через кого происходило приготовление. Важно для понимания мессианского образа то, что и предназначенный к открытому служению остается до поры в "колчане", пока не будет извлечен оттуда. Иначе говоря, он может догадываться о своем мессианском призвании, но ничего определенного о нем не знает.

Однако оба мессианских образа, о которых мы говорим, - образ царя допленной эпохи и пророческий образ "Раба" периода плена, - имеют то общее, что Мессия здесь поднимается, а не спускается, восходит от людей, а не нисходит от Бога. Он выступает вперед из человеческой толпы и "избирается" Богом (Втор 17:15; Ис. 42:1), что, разумеется, может означать разное: для царя - начало испытания, для "Раба" - подтверждение его мессианского достоинства. Поручение, которое получает Мессия, дается ему на земле, он не посылается с ним с небес на землю.

И для пророка тоже имеется особая традиция, согласно которой он узнает о своем посланничестве во время призвания, и даже если он считает, что еще прежде рождения он был "известен" Богу и освящен Им (Иер. 1:5), то и тогда в его душе не возникает никаких помышлений о собственном небесном предсуществовании. И Второисаия, конечно, не думает об окончательном, решающем явлении Раба Бога как о ниспослании с небес на землю. Положение изменяется с наступлением второго, сирийского кризиса и эпохи народных страданий. Народ теперь был не только близок к утрате всяких надежд на спасительное деяние царской власти, но и к утрате веры в спасительное деяние земного человека вообще. Землю уже нельзя избавить, находясь на земле. Теперь перемена отношения к образу Мессии выражается в книге Даниила. "Подобный человеку" эсхатологический представитель Израиля приносится на "облаках небесных" к престолу Бога. В книге Еноха этот неопределенный образ приобретает форму небесного предсуществования Мессии, пусть даже сначала и весьма схематичную; его избрание свершилось еще до создания мира (48:6), а его местопребывание навеки "под крылами Бога духов" (39:7). Теперь, однако, и "Раб" Второисаии вбирается этим образом Мессии, являющимся для великого свершения: небесный "Сын Человеческий", "изначально потаенный" (62:7), сойдет с небес и будет "светом народов"(71) (48:4). Поэтому тот, на кого безымянный пророк взирает как на свое будущее, тот, кто удален с земли и на нее возвращается, становится из существа земного- небесным. Однако в существенных чертах он остается подобным образу Еноха, взятому из земной жизни в небесную: предсуществующий кажется чем-то вроде сосуда, вмещающего в себя человека. Предсуществует не личность, но форма(72). Здесь, в дальнейшем развитии концепции Второисаии, восходящий и нисходящий сплетены в небесно-земной двоякости жизни. Эту концепцию Иисус находит уже в готовом виде в народных представлениях(73), и таким образом, по-видимому, он постигает в своем личном кризисе свои собственные настоящее и будущее, служение страдания приготовления и служение славы свершения.

Если это так, то апокалиптически видоизмененный образ "Раба"(74) •здесь снова соединился с фактической историей жизни одного человека и, обретя

биографический характер, повлиял на последующее толкование этой жизни. Здесь, кажется, началось обожествление Иисуса, в особенности у Павла, а позднее у Иоанна. В ходе этого обожествления титул "Сын Человеческий" либо полностью устраняется (так у Павла), либо сохраняется только в устах самого Иисуса (так у Иоанна там, где он следует синоптикам). Первой предпосылкой этого процесса обожествления было то обстоятельство, что удаление с земли, ассоциирующееся с чисто человеческой жизнью (без предсуществования), было полностью заменено не имеющим аналогий воскресением; след "удаления" сохранился лишь в повествованиях о вознесении Воскресшего. Вторая предпосылка - предсуществование, которым, в отличие от еврейской апокалиптики, наделяется отдельная личность. Так что облик Мессии, на всех прежних этапах сохранявший чисто человеческий характер, облик того Мессии, который выходит из среды людей и получает от Бога свои полномочия, теперь был вытеснен существенно другим обликом: теперь это было небесное существо, которое ниспосылается в мир, задерживается в нем, оставляет его, возносится на небеса и вступает во владение изначально принадлежавшим ему миром. Отныне возвещается: "Никто не восходил на небо, кроме спустившегося с небес Сына Человеческого" (Ин. 3:13). Отсюда до обожествления оставался последний шаг.

61 Я, однако, не могу считать неподлинным также и Лк. 12:50, если освободить его от чуждого ему контекста (ср. комментарий Велльгаузена к этому месту), несмотря на то что мне неизвестно удовлетворительное истолкование этого речения. Я не в состоянии представить себе, как могло бы это речение возникнуть в ранней иудео-христианской общине (или даже в эллинистической общине).

62 Естественно, это не означает, что "его" день замещает ветхозаветный "день YHWH" (Bousset. Kyrios Christos. S. 12): это день его откровения. Неверно также утверждение, что Иисус с помощью образа молнии "превратил свою собственную личность в миф": то, что говорит Иисус, мог бы сказать о дне своего будущего откровения, "дне спасения", и автор Ис. 42:7 и сл.

63 В арамейском оригинале здесь явно употреблялся глагол, имеющийся в ветхозаветных текстах, рассказывающих о взятии Богом пророков с земли (этот глагол Фран Делич употребляет в своем переводе Нового Завета на иврит).

64 В этом речении не нужно видеть "христологическое высказывание" (Dibelius. Gospel Criticism and Christology. P. 48). Его с полным основанием сравнивали с 4 Эзра 10:1, где Жена, олицетворяющая Сион, рассказывает: "Но когда мой сын вошел в свой брачный чертог, он упал и умер. И опрокинули мы светильники". Об этом см.: Joachim Jeremias. Erioser und Eriosung im Spatjudentum und Urchristentum. (Deutsche Theologie II (1929). S. 111). Странное толкование этого "падения" (casus - так в латинском тексте) при помощи ссылки на падение Иерусалима имеет явно вторичный характер. Мне кажется, что Иисус пользовался образом удаления с земли "Раба", существовавшим в предании, а приведенное Место из 4 Эзра дает иную разработку того же мотива.

* Так в научной литературе называется один сквозной мотив у Мк.: Иисус приказывает всем окружающим (ученикам, исцеленным больным и прочим) хранить молчание о его чудесах, а изгнанным им демонам Иисус "не позволял говорить, ибо демоны знали, кто он" (Мк. 1:33).

65 Мнение, согласно которому мессианское истолкование Ис. 53 в иудаизме подтверждается документально впервые только со II в. н. э., выразил Бультман в рецензии на работу R. Otto. *Reich Gottes und Menschensohn (Theologische Rundschau IX (1937). S. 28)*. Однако это мнение можно опровергнуть, указав на искусственный и тенденциозный характер той поздней интерпретации, которую имеет в виду Бультман. Она направлена против смысла провозвестия Ис. 53, противоречившего распространенной в народе надежде. Смысл этого провозвестия не был официально принят, а позже, когда он мог стать популярным, против него и была выдвинута эта вульгарно-мессианская интерпретация.

66 Об этом см. главу "Das Mysterium" в моей книге "Der Glaube der Propheten" (Werke. Bd. 2).

67 См. в особенности: Schweizer. *Op. cit.* S. 89 ff., а также: Joachim Jeremias. *Op. cit.* S. 118. Аргументу, выдвинутому против этого положения Бультманом (*Op. cit.* S. 27), согласно которому в ранних речениях Иисуса не содержится никаких бесспорных аллюзий на страдающего раба Бога, следует противопоставить соображение, согласно которому молчание Иисуса, которое он хранит касательно своего отношения к провозвестию, возникшему не как пророчество, но как мистерия, и говорящему на ее языке, - совершенно понятно. Несомненно, мысль о страдающем Мессии была "чуждой и пугающей" для учеников Иисуса, как и для большинства евреев той эпохи (по-видимому, впервые эта ситуация изменяется с поражением восстания Бар-Кохбы). Это, однако, ничего не говорит о том, как Мессия представлялся Иисусу. Решающим обстоятельством является то, что в мистерии страдающего раба Бога должен страдать не Мессия, но его предшествующие ипостаси, - отсюда своеобразная лабильность, подвижность, характерная для влияния этой мистерии.

68 Эта подлинная традиция объективной мессианской тайны в самопонимании Иисуса представляется мне позднее переработанной и преувеличенной - в особенности стараниями Мк. в его историях о демонах.

69 Ср. особенно: Lietzmann. *Der Prozess Jesu (Sitzungsberichte der preussischen Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Klasse, 1931)*; ср. также его дискуссию Бюхзелем (*Buchsel. ZNW 1931/32*). Из более ранних работ следует отметить Goguel. *Juifs et Restes dans l'histoire de la passion (1910)*; ср.: Он же. *A propos du proces de Jesus (ZNW XXXI (1932). P. 294 ff.)*. Историчность этого рассказа не оказала мне и основательная статья К. Л. Шмидта: Schmidt K. L. *Der Todesprozess des Messias Jesus (Judaica I*

(1945). Прискорбно, что Шмидт в ответ на высказывание Клаузнера о том, что приговор, вынесенный Иисусу, "не соответствует фарисейскому духу", замечает: "Клаузнер, будучи евреем, не может не говорить в известном смысле *pro domo* (в "защиту [своего] дома)"). Если христианский и еврейский ученые не в состоянии - даже когда речь идет о таком предмете, как смерть Иисуса, - признать друг за другом способность говорить *pro veritate* ("в защиту истины"), - тогда мы опасно отступаем вспять.

70 Ср. главы "Gottlicher und menschlicher Konig" и "Die theopolitische Stunde" в моей книге "Der Glaube der Propheten" (Werke. Bd. 2).

71 Предпринятое недавно снова Сьебергом разделение внутри песен раба Бога (Sjoberg. *Der Menschensohn im athiopischen Henochbuch*. 1946) неосновательно, как я показываю в главе "Das Mysterium" моей книги "Der Glaube der Propheten" (Werke. Bd. 2).

72 Я не привлекаю 70-ю и 71-ю главы эфиопской книги Еноха, в которых Енох сам становится "Сыном Человеческим", ибо вынужден присоединиться к общему мнению, говорящему об их сомнительности. Толкование Р. Отто, опирающееся на них в главных своих чертах (Op. cit. S.I 64 ff.), представляется мне, как и Бультману, неубедительным.

73 Я, однако, именно это только и имею в виду, а не то, что Иисус будто бы жил "в представлениях, почерпнутых из традиции Еноха" (Otto. Op. cit. S. 176).

74 Так называется Мессия в апокалипсисе Эзры 13:32, 37,52 и в апокалипсисе Баруха 70:9: "Моего раба, Мессии".